Осознанное сновидение

Наталья Александровна практически всегда просыпалась в хорошем настроении. С уходом на пенсию лет пять назад жизнь стала спокойной. Затухли в прошлом напряжёнка не опоздать на работу, раздражение от «пиковых» поездок в транспорте, рутина бытия, какие-то непонятные обязанности, торопливость и беспокойство от наглой непредвиденности. Теперь же можно понежиться в постели, насмотреться на себя такую хорошую в зеркало, чистить зубы не торопясь, плескаться сколько угодно под душем, представляя при этом потоки водопада тёплой тропической реки.

Представлять она умела, а ещё бóлее научилась недавно. С переходом в пенсионное состояние решила Наташечка Александровна (как она себя называла), что теперь пришло время капитально заняться своими и внешностью, и внутренностью. Но особенно внутренним миром, который может воздействовать и на внешний. Благо, что обучающей и рекомендующей информации вокруг было хоть отбавляй. Перепробовав разные «кучерявые» эзотерические и восточные практики, остановилась на книгах Вадима Зеланда с загадочной основой под названием трансерфинг. Читались книги легко, понималось тоже почти с лёту, тем более, что времени перечитать сложные моменты и осмыслить идеи автора было без ограничения. Хорошо всё это делалось и в процессе любимого вязания, при котором мягко концентрировались мысли, связываясь в логическую цепочку, аналогичную рисунку, создаваемому послушными спицами и пряжей.

Как-то Наташечку озадачил её один хороший знакомый удивительно простым вопросом:

– Не могу осознать глубину такого понятия, как альность? Вот реальностей у нас навалом, а особенно тех, которые обсуждают наши ровесники в очередях за бюветной водой и на трамвайных остановках. Но ведь в слове реальность приставка *ре* означает повтор, отражение. Например, ремонт – повторный монтаж, революция – отражение эволюции на социуме. В понятии дуальность вообще какая-то двойственность альности. Вычитал в ведическом словаре, что альность – Высшая Навная Ось Мира, всё, что можно в себя вобравшая. Каждый живёт в нашей отраженной альности, т.е. реальности. Реальности для людей различны, но взаимосвязаны. Ось Мира ещё кое-как представить себе могу в виде гигантской космической спицы. Но вот громадное количество её отражений…. Да и в каком пространстве отражения то?

Эти философские заботы «шибко грамотного» знакомого, которого она называла «Разведчиком» и который, откровенно говоря, всё чаще ей «шибко нравился», вспоминались порой Наташечке Александровне в процессе вязания, когда с пластмассовой оси-альности сходило красивое вязаное изделие-реальность.

В последнее время при изучении книг Вадима Зеланда нáчала она осознавать величие Космоса, битком набитого множественными реальностями, нужные из которых можно выбирать для себя и пользоваться. И вот тут Наташа всё чаще стала понимать желание своего знакомого познать альность. Она чувствовала себя в преддверии чего-то знаменательного для неё, возможности осуществить своё задуманное, получить во владение потаённое.

Особенно ей нравились осознанные сновидения. Она ощущала себя режиссером и воплотителем виртуальных событий, реальностей-сновидений, разворачивающихся под утро после основного крепкого, бессознательного сна. Какими только видениями она не управляла! О, как она летала над своим городом, видя впервые сверху крыши домов, дворики и всё то, о чём совсем не догадывалась, гуляя по улицам перед этими домами и подъездами! То она рвала с деревьев ароматные груши в каком-то большущем колхозном саду и осторожно укладывала их в ящики. То парила над Ниагарским водопадом, а затем стремительно падала вниз в радужные облака брызг и радостно кричала вместе с экскурсантами в голубых целлофановых плащах с маленьких катеров, вплотную подходящих к бушующему потоку сбесившейся воды. Сколько дивных снов, создаваемых ею, давали возможностью творить и переделывать созданное! Она ощущала себя Богиней, феей, воссоздающей из своих мыслей, причуд и капризов фрагменты событий в виртуальных мирах по собственному сценарию. Богиня, ей Богу, Богиня!

Владея техникой трансерфинга реальностей можно получит в будущем то, о чём мечтаешь сейчас. Но когда это произойдет? Может через месяц, может через год, а может и более. Кто знает… Космос громадный, да что там громадный, бесконечный. Как далеко по времени удалена от

тебя желаемая реальность? От планеты Плутон отражённый солнечный свет приходит к нам за 5,5 часов. Так говорил «Разведчик». А твоя желаемая реальность может быть далеко за пределами Солнечной системы. Эх, дальние, дальние дали…. А, ведь так хочется побыстрее заполучить желаемое! И не одно.

Робкий начальный эксперимент-проба дал ошеломляющий результат. Ей нужны были сапожки. Какой женщине к осени не нужны кожаные чехольчики на ножки с точёными копытцами-каблучками – тотемной принадлежностью к горным сернам? Пусть невнятно блеют, увидев эту красоту, приасфальтные козлы городских долин. Серн высматривают с заоблачных высот клокочащие красавцы орлы, либо из-за каменных глыб высокоэтажек гривастые львы, либо стремительные, как их автомобили, белые леопарды. Такая охота весьма и весьма оживляет существование одинокой симпатичной женщины!

Запрос пошёл по рекомендованной трансерфингом схеме. «Надо только выучиться ждать…» – вот это было самое сложное. Сапожки, конечно, не предмет первой необходимости, но в качестве доверия к методу были весьма желанны. Как будет выглядеть реализация запроса, Наталья Александровна даже и не представляла. Ну не Дед же Мороз ей под ёлочку ночью положит коробку с мечтою, пахнущую натуральной кожей!

Всё произошло неожиданно и банально. Весьма оригинальный свитерок, который она связала дочке, страшно понравился её знакомой, материальное положение которой называлось зажиточным. Мама получила заказ на что-то отдалённо напоминающее, но, ни в коем случае не похожее. К связанному очень оригинальному свитерочку Наталья Александровна приложила натуральное крымское мыло с запахом можжевельника. Её дочка весьма умело дозналась у «заказчицы» о приоритетном натуральном запахе. Тут же последовал заказ на свитер мужу в том же стиле и 9-летней дочурке. Семья собиралась поехать кататься на лыжах в Альпы. Такое одеяние, по их мнению, подчёркивало семейное единство и понимание важности натуральной одежды. На полученные от заказа деньги были куплены не только обалденно красивые сапожки, но и чехольчики на верхние копытца городской серны, а также кожаная сумочка плюс разная мелочёвка для высокоэнтропийного нутрá этой сумочки.

Радость – не то слово, которым могло быть определено несколькодневное состояние сияющей глазами Наташечки Александровны. Ощущение собственной силы, какое-то умиротворение, полноценность что ли и, главное, манящее новизной существование женщины, потихоньку осознающей себя Богиней. Пусть изначально маленькой, но всё равно не такой, как основная масса копошащихся в этой рутинной жизни женщин.

Запрос на дополнение к сапожкам пошёл в Сваргу Пречистую весьма реальным. Автомобиль ей ни к чему и дом с бассейном Силы Небесные ей не сварганят. А вот мужчина «для души» был бы в самый раз. Интуитивно чувствовала, что такая реальность находилась по времени дальше сапожечно-перчаточной.

Через месяца четыре как-то в переполненном автобусе она пробилась к выходу, но тут зашёл на остановке мужчина, похожий на разведчика в пенсионном возрасте. Разведчики внешностью никакие, таковыми они должны быть по канонам этой службы – глаз со стороны не должен зацепиться ни на одной детали лица и фигуры. Этот пенсионер уже основательно зарос бородою и длинными волосами, которые собрал сзади резиночкой в хвостик. Автобусная обстановка закрытой дверью сблизила их тела и он деликатно отворачивался он неё, да и прилагал усилия, чтобы уменьшить давление на прижатую со всех сторон Наталью Александровну. Ехала она домой от подруги и костúла себя за то, что собралась обратно домой в «час пик». Водитель безобразно вёл машину, то резко тормозя, то ускоряясь, то вихляя в своей полосе. В автобусе началось локальное поругивание пассажиров как неосознанная реакция на некомфортные условия проезда. Рядом с Натальей Александровной решительная во всех отношениях женщина-брюнетка стала резко выговаривать мужчине, пытавшемуся протиснуться к проходу. Их свара была нелицеприятной. И тут «Разведчик» с милой улыбкой обратился к Наташе, отвлекая её внимание от прослушивания этой неприятной окружающим заварушки.

– Мечтаю иметь такие же длинные волосы, как у Вас, но вот совсем не умею плести косичку. Вы уж извините меня за назойливость. Возможна ли краткая консультация в этих условиях?

Наталью Александровну подкупила вот эта якобы наивная простота обращения и совершенно чистый взгляд голубых глаз с лукавыми искорками. Он что, знакомиться с ней при всех так собрался или это просто одесский автобус? Ответила «в масть», как говорят:

– Ничем помочь не могу, сейчас буду выходить. Вы уж обратитесь к водителю. Он так вышивает, что наверняка и косички плести может.

Тут водитель осадил своего «горбунка» жёлтой масти так, что инерционная масса пассажиров буквально выдавила Наталью Александровну вместе с мечтающим о косичке мужчиной в открывшиеся на остановке двери. Он вышел спиной и при этом умудрился подать ей руку, причем со ступенек сверху она увидела его жидковатые седые волосы на самой последней чакре. Мысль о реализованном запросе из пространства реальностей в её голове не возникла. Правда, кандидатура образа задавалась без конкретных деталей, но явно не такой, как у разведчиков. Мужчина предложил провести её. Она вяло согласилась, видя его деликатность и почувствовав отсутствие у него липучей приставучести. Он стал рассказывать почему ему захотелось иметь длинные волосы, потом о косах, космах, бороде и всё это было интересно. Проводив до парадной той пятиэтажки, где она проживала, мужчина распрощался и ушел. Вот и хорошо, без «номера телефончика», фразы «а что Вы делаете сегодня вечером» и тому подобной словесной шелухи.

Через месяц они случайно встретились на базаре их «спального района». Он помог донести её сумки до двери, рассказывал что-то познавательное и тут она почувствовала, что космос прислал ей интересного собеседника, дабы не скучала до выполнения основной заявки. С ним было действительно легко, просто и интересно. Они обменялись номерами телефонов. Он иногда приглашал её погулять-поболтать. Никаких театров, развлекаловок и увеселиловок не предлагал, да и это к лучшему. Наталья Александровна поначалу рассматривала «Разведчика» как популярную энциклопедию, которую можно было в нужный момент снять с книжной полки и с интересом начитаться. Но он не всегда когда надо оказывался на этой мнимой полке, да и вообще для неё он становился всё более и более интересным. Что бы это могло означать?...

Осмысливание понятия альности, подброшенное ей «Разведчиком», привело Наташечку Александровну к прикладному аспекту в теории трансерфинга. Если реальность есть отражённая альность, то почему бы не обращаться непосредственно к альности, а не к её многочисленным отражениям или повторам. Наверно в этом случае ответная реакция будет значительно быстрее. Непонятно только в каком виде предстанет ответ на запрос? Ну, да и ладно…. Даже если и появятся искажения, то в худшем случае с ними можно и побороться, жизненный опыт борьбы есть и не малый. А вот для лучшего случая она будет создавать мыслеформы в осознанных снах. Там это у неё получается значительно легче, чем в пространстве реальной жизни.

Сон она срежиссировала самóй себе на удивление гениальный. В начальной его фазе она делает запрос альности, представляя её образ как гигантский плазменный стержень, пронизывающий нашу галактику перпендикулярно её плоскости. Такую картину ей живо описывал «Разведчик», объясняя, что такое ночь и утро Свáрога. Наташечка даже пыталась посчитать тогда с помощью «Разведчика» сколько миллиардов километров от Солнечной системы до центра галактики. Как говорил в одной из своих миниатюр Аркадий Райкин – «сумасшедшее количество». Далее к концу сна она при помощи вызванной феи станет молодой и методами трансерфинга обратится к альности с запросом встретиться и подружиться с молодым мужчиной, очень похожим на образ её первой любви. Причём, проснётся она молодой, дабы встретиться таковой со своим «сýженым» в нашей действительности. Просто, логично и со вкусом. Под ответную реакцию альности будет подстраиваться по ходу сна и после него. Девизом данного мероприятия Наталья Александровна выбрала цитату, приведенную «Разведчиком» из славяно-арийского ведизма: «Делай, что должен, и будь что будет!».

Наташечка Александровна просыпалась в очаровательном состоянии. Даже не просыпалась, а плавно переходила от сна к действительности в виде белоснежной поляны потолка её квартиры. Приоткрывая глаза, она сквозь пелену уходящего сна видела белую плоскость киноэкрана и на него проецировались последние фрагменты приятных для неё событий. Очарование всего этого потихоньку слабело.

– Нет, ещё хочу, – говорил её внутренний голос, – давай продолжим ещё чуть-чуть. Но звуки шумящих за окном чужих жизней, тиканье часов на стенке смешивались с виртуальным миром и киноэкран неумолимо превращался в потолок.

– Боже, как хорошо! – продолжал внутренний голос, но улыбающиеся губы уже стали потихоньку шевелиться, превращая эту фразу в звуки.

– Как хорошо!.. Остаться бы там! О нет, мне надо, чтобы всё это переместилось сюда.

Виденье улыбающейся феи ещё оставались в памяти…

Это был не совсем осознанный сон. В нём основной сценарий управлялся Наташечкой, но вот когда явилась фея, точь-в-точь такая, как в советском фильме о золушке в эпоху её детства, финал вышел из-под Наташиного контроля. Она заказала феи «принца» не здесь, а в реальности, вне сна. И фея заявила, что это как бы пробный вариант реализации, действующий ровно 9 дней. «Растаивая» из сна она предупредила несколько раз: «Через девять дней ровно в полдень всё вернётся на круги своя, а там посмотрим…». Надо же так, как в сказках!

Проснувшаяся Наташа протянула вверх руки и прошептала фразу из далёкой юности – «Девять дней одного года»… Она любила со сна вытягивать руки, соединять большие и указательные пальцы растопыренных ладоней и сотворять между ними как бы рамку в форме сердечка остриём вверх. В этой рамке потухали остатки сна и на белом фоне потолка расфокусированный взгляд рисовал что-то реальное. Сейчас в рамке появилась афиша фильма, в актера которого она, тогда девятилетняя, влюбилась. В Алексея Баталова в те, 60-е годы, были влюблены многие девушки и женщины Советского Союза. Это была эпоха популярности физики, глубокомысленных учёных, ведущих беседы и монологи с непонятными для широкой публики терминами. А Баталов сыграл в этом фильме талантливого физика-ядерщика, получившего смертельную дозу радиации в ходе важного эксперимента.

Вот такого мужчину в ближайшее время после осознанного сна она и хотела встретить. С голубыми умными глазами, русоволосого, спокойного. Ах, сколько в нём ещё всего всякого хорошего…

И вдруг взгляд Натальи Александровны остановился на своих руках. Это были не её руки, познавшие многократные стирки, глажки, гото́вки, базары, напряжения. Кожа молодая, вены не высту… Боже мой! Неужели… Она как с катапультой выскочила из постели и увидела в зеркале себя, не пенсионерку, а тридцатилетнюю с ошалевшими глазами в которых взорвалась радость. Ура! Ура альности, ура-а-а!

Наташа носилась между зеркалом трюмо и кроватью, прыгала на ней, бросала вверх подушку, растирала ладонями слёзы радости. Помчалась к шкафу, начала выгребать и примерять на себе свои одежды. Столько лет прошло, а формы почти не изменились. Хм, почти… Это висит как на огородном пугале, это – отстой для тридцатилетней весьма симпатичной женщины. Сапожки, немедленно на ноги. О, класс! Нужно срочно обновить гардероб! Где взять денег? Дочке показываться нельзя – не поймёт. Подруги тоже не поймут, а если и дотямкают – лопнут от зависти и меня сглазят. Банк, кредит? Нет, они небольшие деньги не дадут. Откуда у меня столько энергии? Эйфория, молодость, душевный подъем? В этом состоянии надо торопиться. Сейчас как в баскетболе – обратный отсчёт времени. Что делать? Ломбард? Ну да, ломбард! Заложу колечки. Хо!

К бою Наташечка, вперёд и с песнями! Вперёд на ломбард и магазины!

Опять ей попался туго набитый автобус, когда с двумя пакетами обновок возвращалась домой. Не терпелось всё перемерить и побыстрее. Потому и не стала ждать следующих автобусов.

Похоже, что она подцепила какой-то транспортный вирус – мучает он её сбóями в движении, да ещё как! За две остановки до выхода она пробилась к дверям, чуть ли не зубами передала водителю деньги за проезд. И тут на остановке вошел в дверь Он. Почти Алексей Баталов, голубоглазый, русоволосый, с глубокомысленным взглядом. Он буквально втиснулся в автобус и встал прямо перед ней. Глаза их встретились. Похоже, что она начала тонуть в этих озёрах. Тут зазвонила мобилка и она сделала попытку выковырять её из новой сумочки, страшно переполненной чем-то весьма необходимым. Шаря рукою в ней, раздражаясь от сложности этого процесса, она наконец-таки выловила эту электронную пакость. Звонила подруга. Разговор был коротким – позже перезвоню, мол, я в дурдоме на колёсах. При всём этом не могла оторвать взгляда от озерных глаз, которые почему-то наполнялись болью. Затем попутчик тихо сказал:

– Наташа! Если Вам не трудно, отпустите меня на волю. Я чувствую себя как пришпиленный булавкой жук. Эта булавка – каблучок вашего сапожка.

Наташа опешила. При выковыривании мобилки из сумочки она нечаянно наступила острым каблуком на носок его мокасина и не заметила этой экзекуции.

– Откуда он знает моё имя? Ах, да – мобилка была почти рядом с ним, а подружка шепотом не разговаривает.

Наташа извинилась. Их взгляды замкнулись друг на друге и время примёрзло в этом автобусе. Ой, её остановка! Голубоглазый вышел спиной, подал ей руку и с улыбкой предложил помочь донести пакеты. Она согласилась с условием – он зайдёт к ней и она даст ему ватку с настойкой календулы на рану от каблука. Он старался скрыть хромоту, но по продавленной коже на мокасине было видно, что Наташа оставила свой след ему надолго. Попутчик пошутил, что у них много общего – «любовь» к общественному транспорту и фрагменты их имён. «Бортовой компьютер» Наташи выбрал из всех вариантов имя Алёша, хотя имён, заканчивающихся на «ша» было предостаточно.

– Почему моё подсознание остановилось на Алёше? – рассуждала в молчаливой паузе Наташа. Ну да, нас же свела **аль**ность, значит и Аль-о-ша.

Похоже, что он подзабыл о боли и рассказывал ей какую-то смешную транспортную историю, когда пожилой кондуктор одесского трамвая, видя штурм дверей на остановке и тупое упорство пассажиров в салоне немного подвинуться, дабы дать сесть в трамвай другим, заявил торжественно и зычно: «Братья и сёстры! Отцы и матери! Кто сколько может – пройдите вперёд!». Люди с улыбками уплотнились и с интересом посматривали на кондуктора-пенсионера.

Ей с ним было удивительно хорошо. Она ему тоже что-то интересное чирикала из транспортных наблюдений. Так и пришли к ней домой. Алексей снял туфли. Носок был немного залит кровью. Наташа суетливо натаскала ваты, перекись водорода, настойку календулы, бинт. Он наотрез отказался от её помощи. Каблук придавил ему два пальца, повредив кожу обоих. Похоже, перелома не было. Лёша всё время шутил. А при фразе «до свадьбы заживёт» как-то серьёзно посмотрел на неё. Обоюдная влюблённость нарастала. Вдруг он заявил:

– Мне по роду своей деятельности приходилось общаться со многими врачами, а особенно заведующими физиотерапевтических отделений. Так вот, одна весьма продвинутая врачиха сказала, что наиболее действенным методом залечивания ран у мужчин является кисстерапия.

– Что это? – не «врубилась» Наташа.

– Это западная терминология древнейшего метода лечения и профилактики. От английского слова кисс (kiss) – поцелуй. Причём женские поцелуи для мужчин значительно более эффективны, чем всякие там зелёнки, йоды или антисептические мази.

Наташа растерялась:

– И куда надо целовать мужчину?

Алёшины глаза лукаво блестели – в голубых озёрах отражалось полу́денное Солнце:

– Для начала в щёчку. Это первая фаза. А уж потом – по полной программе лечебного процесса.

Наташа немного зарделась от шальной мысли, обняла его шею и перешла к полномасштабному лечению.

Первая любовь, дремавшая более полувека, проснулась со счастливыми стонами и гимнами новой жизни.

Этой ночью ей снился удивительный сон. Она им и не собиралась управлять. Наташа смотрела глазами Алексея на себя – молодую, тридцатилетнюю. Он стоял в поле, где по пояс росли красивые жёлтые цветы. Наташа в белом платье бежала навстречу ему, а он звал: «Сероглазка! Как тебя любит Солнышко! А я ещё сильнее!».

Просыпалась Наташа как всегда, со счастливой улыбкой. Потолок был ещё серым в предутреннем рассвете. Она собралась поднять руки для сердечной рамочки, как почувствовала рядом с собой Алексея. Сразу же проснулась и всё вспомнила. Тихонько, чтобы не разбудить, стала приподниматься на локте, чтобы любоваться его лицом. Ей очень хотелось языком дотронуться до его виска́, она уже совсем близко от него и тут Лёша тихо-тихо сказал ей:

– Доброе утро, моя хорошая! Мы и просыпаемся вместе, надо же так!

Второй раз проснулись поздно. Завтрак был комплексный. Сначала она ела его, потом он её, потом все вместе лопали на кухне яичницу, пили цветочный чай и болтали чепуху. Алексей с таким любимым для неё лукавством в глазах сказал серьёзно:

– Никогда не думал, что так приятно быть под каблуком у женщины. Разрешаю тебе дразнить меня «подкаблучником». А я в ответ на это буду говорить «Сероглазка».

Наташа уже ничему не удивлялась. Граница между реальностью и сном расплылась.

– Ты любишь АББА? – спросила Наташа и осеклась. Он и не родился, когда была популярна эта шведская группа. Надо следить за собой – машину времени следует вести осторожно.

– Со вчерашнего дня ещё больше. Ты немного похожа на мою любимую солистку Агнету Фелтског. Она тоже арийских кровей и сероглазая.

– Боже, какая память, – подумала она и сказала:

– Я чего спрашиваю, давай поставим их песню «I have a dream»! У меня есть несколько дисков АББА.

– Давай! И пригласи меня на белый танец.

Они не танцевали. Они топтались на месте и, обнявшись, пели друг другу эту песню. В проигрышах целовались, размазывая по губам «I believe in angels». Удивительно, но он знал слова. Очевидно, тоже имел мечту и верил в ангелов, как пелось у АББА – любимицы всего мира годов 70-х – 80-х прошлого века. Когда звучала мелодия, она плакала, пополняя слезами озёра его глаз. Песня закончилась, но они продолжали танцевать, а она плакать. Может он и не понимал, от чего Наташа плачет, но для её успокоения тихо на ухо читал какие-то стихи, слизывал слезинки с её щёк при окончании каждой строчки:

Водопад лучезарных волос золотистых
Обдаёт окруженье потоками чистых
Мыслей – сердцем стремиться к Богине земной,
Ставшей людям как Солнышко ранней весной.

– Что это за стихи? – спросила Наташа, вспоминая золотистую поляну из утреннего сна, – эти строчки, похоже, сегодня для меня.

– Конечно для тебя, – от Лёшиной улыбки Наташе становилось особенно хорошо, – называется стихотворение «Сероглазке».

– Да? Как приятно такое слышать. Ты прочтёшь его мне?

– Постараюсь. Я добросовестно когда-то учил, надеюсь, не буду спотыкаться.

Лёша начал читал немного робко, но потом «раздухарился». Особенно Наташе понравился фрагмент:

Создавая миры силой мыслей и слова,
Сероглазкой заложена счастья основа
Из гармонии-лада, к Природе внимания,
Из любви и Великого Древнего Знания.

– Он что, считывает мои мысли или альность прислала в нём моё отражение? – думала Наташа, когда Лёша, закончив читать, стал целовать ей глаза.

– Лёшенька, хороший мой… Кто написал это чудесное стихотворение? – вопрос был формальный, современных поэтов она не читала и не знала. Рутинные допенсионные будни съедали желание обращаться к поэзии. Сбесившийся современный мир заполнялся каким-то дедективно-разбойничьим чтивом вперемежку с дешёвыми любовными романами.

– Я написал, – Лёшины глаза сейчас особенно лукаво улыбались.

– Ты!!! Наташу аж отшатнуло от Алексея. Боже, что вытворяет эта альность!

– А как давно ты сочинил это стихотворение про Сероглазку и почему тебе надо учить своё же произведение?

Лёша подхватил Наташу, сел в кресло, посадил её к себе на колени, залез носом в её волосы и стал тихонько говорить на ухо:

– Сочинил я недавно. Свои стихи я практически не запоминаю, надо учить их как школяру́. Мне проще запомнить что-нибудь техническое, таков склад моего ума. Технарь я по рождению. Одна знакомая ясновидящая говорила, что в своём очень далёком прошлом воплощении в Антлантиде я тоже был связан с наукой и техникой.

Весь последующий день прошел в расспросах, рассказах, интересных разговорах и опять вперемежку с поцелуями, любовью, полётами в поднебесье, сладким сном и спокойным поеданием на кухне содержимого растерянного от такой разгрузки холодильника. Под вечер вышли гулять. Наташе не хотелось думать о его работе, к которой стала заочно ревновать его невыносимо. Как бы предвидя её опасения, он сказал, что у него отпуск, который через недельку закончится.

– Через недельку всё у нас закончится, – от этой мысли у неё похолодело внутри и она предалась не то, что грусти, нет, она впадала в ступор. Хотелось плакать, ругать себя за глупость вот так, своими руками, вернее мыслями, мучить себя и его. Что с ним будет потом?! Он же влюбился в меня, как и я в него. Такое бывает, разве что в книгах. В жизни я редко встречала признание людей в такой испепеляющей любви, а если и слышала, то слабо верила. Вот уже и внучка взрослая, с парнем встречается. А я и не знаю, любила ли покойного мужа или это была женская привязанность. Любовь неземная… Я относилась к этой фразе с иронией. Как близко ходит плохое с хорошим. Я так счастлива! Я так несчастна…

Чувствуя, что с ней что-то не так Лёша предложил зайти в цветочный магазин. Женщине надо сбросить стресс в магазинах. Шмуточных или бирюлечных в окру́ге не было. Цветочный павильон был большим, многие продавщицы, увидя «сладкую парочку» стали наперебой предлагать свой товар. Наташа почувствовала, что он что-то ищет. Цветов было море, в нём плавали те, которые ей нравились. Лёша каждой продавщице отказывал как-то со смущением, как бы извиняясь, что не купил у неё. Надо же, такая чистая душа у тридцатилетнего современного мужчины! Наконец он остановился у стоек с растениями в горшках.

– Наташенька! Я не могу дарить срезанные мёртвые цветы. С ними должны уходить в последний путь. Многие этого не понимают и покупают умершую красоту. Посмотри, какой удивительный бонсай! Он тебе нравится?

Наташа посмотрела на карликовое дерево, растущее в плоском удлинённом горшочке. Листики у дерева были как сдвоенные сердечки. Она прочитала на этикетке «Гинкго билоба» и увидела цену.

– Это дерево могло бы расти у водопада в расщелине. А его люди заставили мучиться в этом горшочке, как человека в «испанском сапоге». Ты хочешь, чтобы я была в составе его мучителей последней инстанцией? – аргумент не покупать этот дорогу́щий бонсай, который, ну уж очень понравился Наташе, был весьма убедительным. Лёша с восторгом смотрел на неё. Он понял эту уловку и выставил блестящий контраргумент:

– Ты же знаешь, что эволюционное развитие этого дерева, которое хотело бы быть высоким и свободным, значительно ускорится, если оно будет жить рядом с человеком, любить этого человека и быть любимым своей хозяйкой. Ты когда-нибудь покупала щенка из клетки, в которой он измучился от предпродажного заточения? Нет? Вот взяла бы его на руки. Он лизал бы тебе лицо, как родную маму. Ты для него спасительница, ты для него радостное будущее. Так и эта гинкгочка. Неужели ты не чувствуешь, как она просится к тебе на руки? А, ну да, здесь так много всяких помех, радио это громкое, другие растения тянутся к нам. Надеюсь, ты решаешься на спасение!

Наташа обалдела от такой логики. Она быстро взяла бонсай, коснулась щекой листочков-сердечек гинкго и шепнула деревцу:

– Пойдём с нами, у меня дома хорошо, будем жить вместе долго-долго.

Пока Лёша расплачивался с продавщицей, Наташа опять впала в ступор. Она смотрела на удивительный подарок и шептала:

– Это он оставляет память о себе. Он понимает меня. Я не хочу менять Лёшу на гинкго! Я хочу быть с ними вместе!

Глаза стали влажными и на листочке вдруг появилась капелька, непонятно каким образом выпавшей росы. Подошёл Лёша. Он сделал вид, что не заметил её изменившееся настроение и глазную мокроту.

– Наташенька! Тут по пути есть интернет-клуб, давай туда зайдём. Нам надо из мировой паутинки вызволить информационную кома́шку. Будет интересно, обещаю.

В полуподвальном помещении клуба сидел у компьютеров народ возраста Наташиной внучки. Лёша набрал в поисковике «Гугла» ключевую фразу «гинкго билоба» и стал «ковыряться» в ссылках. Затем открыл нужные страницы, что-то там выделял из текста, куда-то заносил, компоновал, затем «слил» информацию на свою флешку, чмокнул Наташу в щёчку, рассчитался за услуги со смотрителем зала и опять сделал предложение:

– Нам сейчас надо найти копи центр, там распечатаем то, что я надёргал из интернета и потом устроим новоселье для гинкгочки. Кстати, подумай, как ты его назовёшь.

Распечатали пару страниц текста в фотоцентре «Кодак», где обитали надменные девчонки при компьютерах и принтере. Потом сделали закупки провианта. Лёша предложил взять бутылку вина для новоселья и имянаречения бонсая. На кухне он активно помогал вскрывать, резать, раскладывать по тарелочкам. Делал попытки мыть вспомогательную посуду, но Наташа такие немужские вольности сурово пресекла. Лёша на кухне вёл себя так, как будто сегодня большой праздник. Всё время лез целоваться, пытался обниматься, читал свои весёлые стихи и пародии, в общем, «прогревал дюзы» как он говорил, для полёта ракеты к застолью с хорошим настроением.

Сели за уста́вленный вкуснятиной стол друг напротив друга. В середине поставили бонсай. Лёша разлил по бокалам вино и попросил с шальной искринкой в глазах 10 минут для тоста. Наташа упивалась радостью быть вместе, лёгкостью обстановки и ожиданием чего-то интересного. Немного поторговались за регламент. Наташа требовала для тоста 20 минут, Лёша говорил, что

краткость – сестра застольной лабуды, мол «ку́сать оццень хо́цеца». Он достал распечатанные листки и стал читать о гинкго билоба. Она узнала, что этому реликтовому растению около 250 миллионов лет. Обладает удивительной живучестью. Пережило все катастрофы планеты, лютую стужу ледниковых периодов и вселенские потопы. В испепелённом после атомного взрыва японском городе Нагасаки выжило пару деревьев гинкго. Спокойно выносит отвратительную экологию современных городов. Сейчас активно используется в медицине для восстановления и укрепления памяти, улучшению мозгового кровообращения и т.д. и т.п.

Особенно поразили древние легенды и сказания об этом уникальном дереве. В Китае гинкго называют «утиные лапки» из-за того, что его опавшие жёлтые осенние листья на земле напоминают следы уток-мандаринок, которые в Китае издревле символизировали любовь мужчины и женщины. Изображения уток-мандаринок дарили новобрачным. Супруги вешали их в изголовье кровати, поскольку эти птицы были символом близости. Существовал обычай по случаю свадьбы сажать у дома «дерево утиных лапок» гинкго. Листья гинкго, также похожие на крылья бабочки, китайцы и японцы называли «летящими мотыльками». Это тоже эротический символ. «Кувыркающиеся в воздухе бабочки» – 11-я любовная поза из перечисленных в классическом даосском медицинском трактате VII века «Канон Учителя, Проникшего-в-Таинственную-Тьму (Дунсюаньцзы)». А первая стадия любовного соединения звалась в Китае «Шальной мотылёк ищет аромат». В китайской живописи бабочка, берущая нектар из цветка, символизирует соитие, которое описывается как «Любовное безумие бабочки». Гинкго были издавна известны ещё и как «ногти Будды». Листья этого красивого дерева на концах веток располагаются, как правило, пучком по пять, уподобляя их человеческой руке с пятипалой кистью на конце. В переводе с японского языка «гинкго билоба» означает «серебристый абрикос».

В Англии гинкго прозвали дерево «девичьими волосами», так как оно рождало ассоциации с образами юных девушек-дриад с зелёными распущенными волосами. Американцы, любящие всё, что связано с динозаврами, придумали, как зарабатывать на реликтовом дереве гинкго. В ботанических садах США из листьев «динозаврового дерева», отобранных посетителями, изготавливают украшения. Для этого их обрабатывают специальным раствором, покрывают позолотой. И вот уже готова уникальная брошка или серёжки. Людям радость, саду — деньги.

А в Германии гинкго называют «деревом Гёте». Когда величайшему гению немецкой литературы Иоганну Вольфгангу фон Гёте было 65 лет, он влюбился в 30-летнюю обаятельную, одаренную высоким духом поэтессу Марианну Виллемер. Она тоже была влюблена в него, но соединению двух любящих сердец помешало коварство её попечителя. Гёте и Марианна переписывались, посвящая друг другу стихи. В широкий круг интересов Гёте входила и ботаника. Когда поэт увидел в ботсаду Йенского университета китайскую диковинку, то форма листьев навеяла ему символ единения двух любящих сердец. По мысли Гёте, в любящем всегда живут двое. Великий поэт написал стихотворение под названием «Гинкго билоба» и послал своей Марианне.

Лёша оторвался от чтения и задумчиво задал вопрос тишине:

– Ну что, прочитать это стихотворение?

– Да! Нам обязательно надо его услышать, – Наташа посмотрела в глаза Алексею, а потом перевела взгляд на бонсай. Я его хочу назвать «Гинкго-Лёша».

– Давай я прочитаю из Гёте, а потом предложу свой вариант имени, лады′?

Этот листик был с Востока
В сад мой скромный занесён
И для видящего ока
Тайный смысл являет он.

Существо ли здесь живое
Разделилось пополам,
Иль напротив, сразу двое
Предстают в единстве нам?

И загадку и сомненья
Разрешит мой стих один:
Перечти мои творенья,
Сам я – двойственно един.

Из подстрочного перевода это озвучено так: листик дерева с Востока … заставляет размышлять о такой загадке: есть ли он единое существо, которое раздваивается или это двое, которые выбрали для себя существование в единстве?

– Лёша! Скажи мне, ты это всё и раньше знал или только сегодня из интернета?

Алексей как-то странно улыбнулся и глаза его опять приобрели особую насмешливость:

– Давно, моя хорошая, лет пять назад. А вот совсем недавно опять пропил пару упаковок «Гинко билоба» производства Астрафарм, Харьков. Память хотел улучшить, ведь стихи свои туго запоминаю. Похоже, недопил. Давай завершим тост и выпьем за новоселье твоей билобочки. Смотри как она радуется своему дому и хозяйке! А имя пусть будет «Гинкго-билоша». И тогда нас троих объединит окончание «ша» в именах.

Лёша чёкнулся своим бокалом с Наташиным, затем поднёс бокал к листочкам бонсай-новосёла, что-то шепнул ему и выпил залпом. Наташа смаковала вкусное вино по чуть-чуть. Эта пауза нужна была ей для того, чтобы собраться с мыслями. Лёша не зря вывел её на гинкго-билобу. Там такой глубокомысленный финал в стихотворении Гёте и в истории с Марианной! Мне сейчас почти столько же лет, сколько тогда было Гёте, а Лёше сейчас, как тогда Марианне – тридцать. Случайность? Может быть… Альность не предсказуема. И почему он лекарство от склероза стал пить 5 лет назад? Ему ж тогда 25 лет было. Странно... Правда, сейчас болезни молодеют. Может он тоже как Алексей Баталов в фильме «Девять дней одного года» болеет чем-то серьёзным? Я даже не спросила где он работает. Сам говорил, что многократно общался по работе с врачами. А зачем мне его дёргать с расспросами, какое это для меня имеет значение. Он очень хороший. Мы любим друг друга. Это такое счастье! И почему так быстро время летит?...

Поклевав немного вкуснятинки со стола, она почувствовала сонливость. Вино расслабило её напряжение. Наташа пересела в кресло, поджала под себя ноги. Слова́ Лёши усыпляли. Она чувствовала, как он перенёс её на кровать, аккуратно раздевал, тихо напевая что-то колыбельное. Погладил волосы и поцеловал закрывающиеся глаза. Звуки приглушались. Последнее, что она услыхала, как Лёша сказал в гостиной:

– Ну что, билоша, пойдём мыть посуду, я тебя на подоконнике пристрою – будешь мне оттуда помогать.

Проснулась Наташа в полной темноте. Сна не помнила. Стала подниматься с кровати и увидела силуэт спящего в кресле Алексея, прикрывшего ноги пледом. Тихонько приподнялась, села на кровати, сняла модный дорогущий лифчик, колготки, удалила заколку из волос. Стала потихоньку открывать скрипучие двери платяного шкафа, где висел халатик. Лёша спал тихо – чудесное качество для супруга. Надев халат, стала аккуратно пробираться из спальни. Когда проходила мимо Лёши, он нежно обхватил её руками у талии, притянул к себе и стал целовать бёдра, распахнув ещё не застёгнутый халатик.

– Как же он чутко спит, – думала про себя млеющая ненаевшаяся женщина.

Лёша целовал её тело по какой-то сложной траектории. Похоже, что он, как исследователь, искал её эрогенные зоны. Когда она начинала тихонько стонать он обцеловывал эту область и шептал:

– Взлетай, моя хорошая, я тебя подтолкну…

Потом, после полётов, они оба смотрели в тёмный потолок и она вяло разговаривала с ним в какой-то полушутливой манере:

– Скажи мне кудесник, любимец богов. Ты меня спонтанно зацеловывал или у тебя есть определённая схема? Хочу всё знать!

Он в том же духе, но с тоном лектора излагал особенно «кучеряво»:

– Как показала многовековая практика, наиболее оптимальной траекторией взапоцеловывания сероглазых женщин является лемниската Бернулли…

Наташа перебила Лёшу, передвигая свою голову по его руке ближе к источнику вещания:

– Как красиво звучит, лемниска́та…. Похоже Бернулли был знатоком по этой части. А если для широких масс, что же это такое?

– В народе такая замкнутая кривая называется «восьмёрка». И тут Лёшу-Бендера «понесло». – Последователи Бернулли чисто экспериментально установили, что точка, в которой лемниската пересекает саму себя, называемая узловой, должна совпадать с чакрами человеческого тела.

Наташа знала систему чакр и такой разговор становился ей интересным:

– Значит, ты меня целовал восьмёрочками вокруг чакр? Закружил поцелуями тело женщины, а спецтерминологией голову. Уважаю специалистов в любых областях, а эта область, так вообще, имеет важное народнохозяйственное значение.

– Нет, моя вкуснятинка, совсем недавно я тебя целовал по кривой, называемой «спираль Корню′», она же клото́ида. Представь себе две спиральки закрученные в разные стороны…

– Спиральки не использовала, – опять Наташа перебила «докладчика». Она была слишком счастлива, чтобы обращать внимание на такой разговорный этикет. – Мне всё больше и больше нравится прикладная математика, а особенно её терминология …

– Скорее не математика, а прикладная поцелуечность, – перехватил инициативу Лёша. Он уже что-то надумал и стал подводить под намеченное мероприятие теоретическую базу:

– Вернёмся к Бернулли. Сейчас мы с тобою проведём следующее занятие по нанесению лемнискат на человеческое тело. Ты готова быть лаборанткой?

– Всегда готова! – Наташа, дурачась, вскинула к потолку правую руку в пионерском салюте. В этот момент Леша как-то ловко схватил кисть этой руки, развернул ладошку к своим губам и начал её целовать, перемещаясь по руке к подмышке. Правое плечо он после поцелуя очень нежно прикусил и сказал:

– Вот эта чакра в славяно-арийской культуре называется «Лада». С неё мы и начнём занятия. Лёша начал расцеловывать восьмёрку с узлом в этой чакре. Наибольшее удаление бантика восьмёрки проходило через сосок правой груди.

С учащённым дыханием Наташа шептала:

– Как я люблю учиться! А можно остаться на дополнительные занятия?…

Этот факультатив они проходили после предутреннего сна. Таким же образом изучили симметричную чакру на левом плече с названием «Леля». Наташа была ненасытна в стремлении познавать мир. Её учитель с радостью и каким-то азартом нес в массы «разумное, доброе вечное».

К полудню сделали перерыв. Наташа ссуди́ла Лёше свой тёплый халатик и он смешной, голоногий в маленьких для него халате и женских тапочках ло́пал вместе с нею за кухонным столом остатки вчерашнего пиршества.

Затем стали изучать основные чакры. Каждый урок заканчивался полудрёмой. С восстановленными силами занятия проходили конструктивно, как выразился Алёша. При прохождении нижней чакры «за́род» Наташа улетела в Сва́ргу Пречи́стую от поцелуев и по возвращении из небесной нирваны заявила, что повторение – мать учения. С наступлением темноты глаза блестели и тела полыхали излучением в дальней инфракрасной области. Решили, что надо прошвырнуться за провиантом. Быстро шли туда и обратно. Особенно на кухне не разгота́вливались, основная пища находилась в спальне.

Там опять Наташа потеряла бдительность, заявив, что у них назрела революционная ситуация – низы не могут жить по-старому, а верхи не хотят. Это определение Ленина изучалось в доперестроечную эпоху в ВУЗах по курсу «История КПСС». Лёша тогда был маленьким мальчиком. Тем не менее, когда она оседлала его, лежащего на спине, и волосами сметала с его груди и лица́ «пыль времён», двигая наклоненной головой слева направо и вверх-вниз, Лёша тихонько запел:

– И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди!

Наташа прекратила революционную тематику поцелуем.

Проснулась ранним утром без сновидений. Пока Лёша спал рядышком, решила покопаться в прожитых событиях вчерашнего дня. Откуда у Лёши такие широкие познания? Он разительно

отличается от своих ровесников интеллектом. Наташа знала это поколение по окружению своей дочери, которую воспитывала на любви к знаниям и книгам. Дочка не дружила с серостью. Такая же и внучка – любительница почитать поболее, да и поспорить.

Да что там копаться в себе, не царское это дело. Человек должен стремиться к любви, а особенно женщина, посему:

– Лёша, хороший мой, глазки открывай...

– *Tell me why*? – напугал её вопросом на английском резко проснувшийся Лёша, – *скажи мне, почему* ты не спишь в такую рань?

– Кто рано встаёт, тому Бог даёт, – сделала наивными глазки Наташечка.

– Ну, тебе сейчас Бог и даст! – Лёша резко, но нежно перевернул Наташу животом вниз и несильно укусил попу, затем ещё раз, ещё. Потом стал зацеловывать укусы, поднимаясь поцелуями всё выше, аж до шеи. Затем придавил её всем своим телом, стал дуть губами ей в затылок, а правую руку просунул к чакре «зарод». Наташа, задыхаясь от нахлынувших чувств, проговорила подушке:

– Уйми гордыню, сын мой, не зазихайся на божественное!

Лёша, раздувая её волосики на затылке, ответил в тон:

– Сыну Зевса ничегó человеческого не чýждо…

Чуть позже опять было посещение нирваны, дрёма до позднего утра, поцелуи, нирвана, дрёма, вялая беседа с закрытыми глазами.

Наташу мучил какой-то незáданный вопрос, который возник недавно, но вот какой и когда?…Она в полудрёме обратилась к памяти. Образовалось видение бабочки, севшей на гинкго билобу.

– О! Лёша, вспомнила. Вот ты человек грамотный, умеешь писáть и читать. Намéдни ты читал мне о гинкго и там упоминалась поза кувыркающихся бабочек, кажется номер 11. Как ты понимаешь такое? Неужели бабочки могут кувыркаться в одиннадцати, как минимум вариантах?

Лёша приподнялся на локте, внимательно с искорками в глазах посмотрел на Наташу и предложил совместно разобраться в этом сложном вопросе. Фантазии и сил хватило только на три варианта. После очень позднего завтрака бабочки кувыркались около бонсая гинкго-билоба, который перенесли из кухни в спальню. Опять спали обессиленные. Просыпаясь, Наташечка предалась размышлениям:

– Лёша очень воспитанный, деликатный и внимательный человек. Мы стóлько времени в близости, а он ни разу не задал мне вопрос о предохранении. Неужели он хочет ребёнка, а значит, и связать со мной судьбу?! Он влюблён в меня. Нет, даже не так. Он прошёл стадию влюблённости очень быстро. Он любит меня и, похоже, беззаветно. Но, мы так мало знаем друг друга. Надо объясниться. Я его на это подтолкну.

Проснувшись, Лёша предложил пойти погулять в парк.

– За окнами чудесный осенний день, а «нам ещё ночь простоять и день продержаться.., – он запнулся цитировать гайдаровского мальчиша-кибальчиша.

– М-да, – подумала Наташа, – он подпитывает меня воспоминаниями о прошлом.

Застилая постель, замурлыкала под нос слова из песни репертуара Эдиты Пьехи «мы все живем воспоминаниями…», но тут зазвонила мобилка. Дочка интересовалась как у мамы дела.

– Знал бы Лёша с кем она разговаривает… он, наверно, младше доньки. У меня вариант как у примадонны, ровесницы моей. Ровесницы-кудесницы… Агнета, солистка АББА, тоже ровесница. Интересно, какая у неё пенсия… Тю, нафиг Агнете эти крохи нужны…

Поехали в парк Победы. Гуляли вокруг забетонированного озера, любовались на уток, увидели черепаху, выплывшую посмотреть на их счастье.

– Надо будет у следующего трансерфинга заказать золотой ключик. Подожди, а зачем тебе, Наташечка-хулиганочка, этот ключик, га? Надо же знать от чего он. От подвала с картошкой на зиму или от двухэтажного дворца среди ворующих нуворишей? Лучше заказать кондиционер для моей двухкомнатной «московки» в «хрущёвке». И не один – три. Туалет с ванной обойдутся.

Лёша свернул с аллеи и стал нежно тащить Наташу за руку между кустами вглубь зарослей.

– Ого, – заулыбалась Наташа, – мой Лёшенька ещё и ле́шенька. Этот вариант на природе мне тоже нравится. Что же я пляжную подстилку-то не взяла с собой! Придётся по-походному! Фу, какие мысли у старой перечницы, с цепи сорвалась!..

– Лёша, погоди, тут же милиция наверно ходит.

Алексей рассмеялся:

– Мы им скажем, что у нас гостей вповалку по всем комнатам, а я из рейса вернулся. Любви-то не прикажешь.

– Я лишний раз убеждаюсь, какой ты изобретательный враль, – смеялась Наташечка, с удовольствием увлекаемая Лёшей. Он остановился, прижал её спиной к не очень старому дереву и обнял её вместе со стволом. Стал целовать, всё крепче прижимая к дереву. Это так эффективно выдавливало из неё все сомнения и тревоги! Было очень вкусно от осенних поцелуев. Отдышавшись от нахлынувшей страсти, Лёша стал шептать Наташе на ушко:

– За твоей спиной гинкго билоба нашего возраста. Мы сейчас обнимаемся втроём. А вокруг тоже парочку деревьев, которые, может быть, родители нашей гинкго-билоши.

Наташа обалдела. Лёша ваяет удивительный образ нашей любви. Она посмотрела вверх на зелёную крону деревьев с такими дорогими для неё листиками. Лёша поцеловал её в обнажившуюся шею и стал перемещаться поцелуями к ключице, тихо говоря:

– Гинкго начинает плодоносить через 25–30 лет после посадки. Поэтому его называют ещё дедушкиным деревом или может и бабушкиным. Молодожёны садили это дерево и только ко внукам появлялись вот такие маленькие серебристые абрикосы. Видишь их там наверху в кронах?

У Наташи кружилась голова – от запрокинутой головы, поцелуев, полученной информации, да и от всего этого прекрасного окружения.

– А моя «Гинкго билоша» сможет давать плоды для наших внуков? Боже, как она сказала – наших внуков. У меня уже внучка есть, но я же сказала наших внуков? Смогу ли я опять родить в своём возрасте? Теоретически нет, мне за 60. По паспорту. Но ведь сейчас мне 30 – самый детородный возраст. Альность, что ты со мной делаешь!

Лёша, убрал свои губы с выступавшей из лифчика части груди и ответил:

– Мы ещё не знаем, какого пола билоша – женского или мужицкого. Определится это только через четверть века или чуть позже. Давай насобираем упавшие плоды – раздадим друзьям, знакомым. Может и они захотят гинкгобилобный бонсай у себя вырастить. Вообще, я люблю сюда приходить и не только для сбора плодов для рассады. Иногда так и тянет в этот уголок парка. Хотя моё сакральное дерево ясень, но гинкгочка тоже зовёт и манит. Наташенька! Извинись, пожалуйста, перед вот этим деревом за причинённую ему боль, сорви маленькую веточку с двумя листиками и подари мне. Это будет для нас материализованный пароль, как у разведчиков половинка разорванной денежной купюры.

У Наташи продолжала кружиться голова, очевидно ещё и от слишком чистого воздуха парка. Всё это напоминало ей детство, игру в казаки-разбойники, но такую милую с поцелуями и любовью.

– А для меня ты веточку сорвёшь? – вдруг у Наташи появилась слабость и сонливость.

– Так я же позавчера целое деревце в твой дом приволок. Давай поедем домой, тебе надо байки, воздух тут волшебный, непривычный для горожан!

Шли обратно к выходу, Наташа чуть ли не повисла у него на локте. Но дорогу от сакрального места к выходу парка запоминала. У Дворца спорта Лёша получил из банкомата деньги, взял такси и чуть ли не на руках нёс полусонную Наташечку по лестнице парадной дома до её квартиры.

Проснулась она около 10 вечера. Лёша ремонтировал туалетный бачок, давно бастующий из-за отсутствия надлежащего пенсионного обеспечения. «Мужчина в доме» ворчал под нос, что голыми руками можно только женщин ласкать, а не ремонтировать сантехнику. На крышке унитаза лежал нож, длинная двузубая вилка из кухонного набора, старые отцовские раздвижные плоскогубцы, которыми она колола орешки-фундуки и шпилька, завалявшаяся в особом ящике кухонного стола, где хранился всякий нужно-ненужный хлам. Шпилька была наполовину обломана. Лёша увидел Наташу, как-то виновато улыбнулся и произнёс:

– Люблю китайское, но странною любовью…. Подожди немножечко, сейчас я тебя пущу.

Когда Наташа с халатом в руках направилась в душ, Лёша попросил двери не закрывать.

– Подглядывать будешь, эстет, – спросонок пошутила Наташа.

– И подглядывать тоже, но у меня активная жизненная позиция.

Особенно нежно пенной мочалкой Лёша тёр чакры, отражающие Міръ Нави женского тела, а также груди. Со спиной не либеральничал. Вытирал большим махровым полотенцем очень осторожно, даже не вытирал, а как бы промока́л. Отнёс в спальню, положил поперёк постели на спину так, чтобы голова была вне кровати. Долго расчёсывал свисающие к полу волосы очень медленными движениями. Целовал лоб, глаза, нос, губы и бормотал «травы, травы, травы не успели …». Затем обошёл кровать, встал на колени и на́чал нежно кусать пальцы её ног. Дюзы ракеты для полёта в нирвану прогревались…

Опять не было осознанных сновидений, да вообще никаких. Размышлять и анализировать не хотелось. Где-то в глубинах подсознания шевелился вопрос, связанный с посещением парка, но было так хорошо и умиротворённо, что этот тлен не удостаивался внимания. Лёша опять повернул её для лицезрения подушки, заплёл неумело косу и начал делать массаж. Нет, это был не массаж, это сотворялось очень нежное поглаживание с еле уловимым процарапыванием. В нирване Наташечку встречали как юбилейного посетителя.

На следующий день поехали к морю. Божественные Силы, ответственные за погоду, радуясь их любви, устроили показательные выступления лучших коллективов морских горизонтов, кучевых облаков, ветерков-дунавейчиков, прибрежных серебристых лохов-листо́шелестуно́в, чирикающих солистов под управлением ласкового Ярилы-Солнца и при несмолкающих аплодисментах набегающих на берег волн.

Уходить не хотелось, но приземлённые желания загнали их на базар, где была куплена всякая вкуснятина во главе с грузинской хурмой.

До́ма, после ужина с весёлыми историями и хохотаниями перешли опять к учебному процессу. Восточная культура не особенно приживалась в регионе Наташиной спальной комнаты, посему возлюбленные следовали традициям отечественной школы имени Лады и Рожаны.

Девятым днём был понедельник. В воскресенье с самого утра она, обезумев от страсти, рвала в клочья все Лёшины попытки отдохнуть. Где-то читала-слыхала, что так ведут себя животные перед смертью. Она не плакала привычно и не впадала в ступор. Её ступором было ненасытное желание находиться как можно ближе к нему. Наташа сама не хотела есть и не давала Лёше. Он всё время шептал ей нежности, пытался шутить, но это всё было для неё как в тумане. Когда стемнело, Наташа окончательно выбилась из сил. Она зажгла свечку, взяла подсвечник в руки уставилась на бонсай гинкго-билобы, сидя на краю кровати. Лёша сидел сзади Наташи на кровати прижавшись своей грудью к её спине. Он стал читать свои стихи:

Я держу тебя в руках,
Часть Огня Вселенной
Ты сожги хворобу, страх
Мощью сокровенной!

Я шепчу тебе слова
Просьбы к Силам света.
Мне не надо волшебства
Жду от них совета.

Я устала от дерзаний
От болей и страха,
От незнанья, испытаний,
Мир вокруг как плаха.

Я пытаюсь образ строить
Будущего рая,
Но никак мне не усвоить,
Что судьба слепая.

Я же с ней иду в потёмках
По грехам и кочкам.
Буераки все в позёмках,
Мысли все по строчкам.

Я смотрю на свечки плазму
Как же она зыбка…
Что ж я отдала́сь сарказму,
Где ж моя улыбка?!

Взглядом пламя приласкаю
А затем задую…
Всё, теперь я напитаю
Сва́рги мощь светую!

Наташа застонала, затем задула свечку и легла в постель. Он укрыл её, лёг рядом поверх одеяла и что-то тихо рассказывал о движении Солнечной системы по галактическому рукаву, пространственно-временном континууме, дальних далях, торсионных полях и дождался, когда Наташа уснёт. Тихонько соскользнул с кровати, оделся, немного повозился на кухне, написал записку, оставил её на кухонном столе и неслышно вышел из квартиры.

Наташа проснулась утром опять без осознанного сна. Долго чистила зубы, постояла под душем пока не надоело, вяло расчёсывалась у зеркала трюмо. На кухне прочитала записку:

Позвоню в обед. В холодильнике в кружке гоголь-моголь. Надеюсь понравится.

Целую, люблю, уже соскучился.

Когда застилала многострадальную постель опять села перед «Гинкго-билошей» и долго смотрела на листики маленького реликта. Потом произнесла фразу:

– Ну что, поеду на преображение, скоро полдень…

Было уже одиннадцать, как она вышла из дома в одежде Натальи Александровны и села на маршрутку к парку Победы. Где-то в 11^{30} позвонила мобилка. Лёша бодрым голосом спросил:

– Как охлаждённый гоголь-моголь? Я такой не пробовал. Когда в детстве делала мама, сразу съедал ещё тепленьким.

– Лёшенька, мой хороший, разве гоголь-моголь нагревают? Ты что-то перепутал.

Чувствовалось, что Лёша улыбается:

– Когда его взбиваешь, то от трения ложки о сахарно-яичную смесь происходит её нагрев. Чтоб очень сильный, как не совсем, но всё же. Кстати, ты где сейчас?

– Мы с тобою в парке забыли плоды гинкго собрать, я сейчас туда направляюсь, – нарочито бодро говорила Наташа.

– Вот умничка, а я склеротик. Мне надо опять пропить курс билобы. Учти, плоды пахнут не очень приятно, бери их через салфетку и хорошо заверни в целлофановый пакет. Они съедобны, китаёзы вымачивают их в соли. Мы не китайцы, будем потреблять листики. Ты плоды дома помой, высуши и положи в холодильник для стратифика́ции. Пока, моя красатулечка, до встречи!

– Вот и весь разговор, – сдавленным голосом пропела в отключённую мобилочку Наташа. Вдруг разрыдалась неудержимо. Села на скамейку у забетонированного озера и горько плакала, вспоминая глаза Лёши. Без пяти двенадцать пролезла в кусты к маленькой полянке с гинкгочками. Стала собирать в пакет упавшие плоды, действительно неприятно пахнущие. Ветки кустов, под которые она залезала за маленькими «серебристыми абрикосами», растрепали её волосы. Она так увлеклась сбором, что пропустила миг перехода в свой привычный мир. Когда вылезла из кустов, посмотрела на руки. Они стали такими, какими были девять дней назад. Наташа подошла к дереву, обняла его и стала горько плакать, всхлипывая между словами: «Лёшенька, дорогой мой, ну зачем же мир такой жестокий…».

После выхода из ступора расчесалась, припудрила слёзные опу́хлости, поцеловала ствол дерева и выбралась на аллею. Села на ближайшую скамейку, идти никуда не хотелось. Редко встречались гулящие с колясками бабушки пенсионного возраста, умиляясь своей внучатине.

– Интересно, я беременная или это тоже ушло в воспоминания, – подумала Наталья Александровна и представила свою семнадцатилетнюю внучку, катающую в коляске свою тётушку по материнской линии.

Боковым зрением увидела, как к скамейке подходит мужчина. Она отвернулась и готова была встать, если он начнёт присаживаться. Ей хотелось побыть одной. Мужчина подошёл и поздоровался:

– Здравствуйте Наташа!

Это был «Разведчик». Улыбаясь, он стал вынимать из внутреннего кармана куртки блокнотик. Наташа ответила на приветствие, но сейчас этот хороший человек был не ко времени.

– Как в настоящих шпионских фильмах, – сказал «Разведчик», протягивая Наташечке Александровне маленькую веточку гинкго-билоба с двумя листиками.

– Лёшенька! Родной мой, любовь моя, это ты, ты!!!

Она бросилась к нему, обняла за шею и утонула в бороде. Руки гладили хвостик, перетянутый кольцевой резинкой.

Целуя такие знакомые ей губы, она шептала:

– Ура альности, ура!..

«Разведчик» и Наташа сели на скамейку и целовались так, как если бы они сидели в последнем ряду кинотеатра из далёкого их прошлого.

Потом пошли опять на поляну к гинкго. Он прижал её спиной к дереву, обнял вместе со стволом и сказал:

– Ты, моя красатулечка, ура кричи не альности, а дуальности. Я тебе буду втóрить. Давай наорёмся здесь до хрипоты. Милицейскому патрулю скажем, что нашли друг друга после стольких лет разлуки. Кстати, на «ша» заканчивается не только имя Алёша.

С ближайшей аллеи бабушки с колясками быстро перемещались подальше от зарослей кустов, откуда разносилось радостное «Ура! Ура дуальности! Ура!».

Чего только не видел и не слышал за годы своего существования парк Победы, в котором когда-то, лет сорок назад, сотрудники Одесского ботанического сада посадили несколько саженцев реликтового дерева с замечательным названием гинкго-билоба.

Григорий Шингарёв
25 ноября 2013 г.
День Вечнопрекрасной Богини Мары